

Я понять тебя хочу.
Смысла я в тебе ищу.
А. С. Пушкин

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Я был приятно взбудоражен, наткнувшись в Интернете на публикацию рукописи А.С. Пушкина, найденной в Арзамасе. Казалось бы, о великом поэте мы знаем всё. А нет же! Неожиданные открытия ещё возможны, да ещё какие. Таинственный В-ов (он так подписался) раскопал на чердаке старого деревянного дома записки Александра Сергеевича, связанные с его пребыванием в 1830 году в селе Большое Болдино, в знаменитую Болдинскую осень. Своей нечаянной радостью я поделился с другом, кандидатом технических наук, любителем русской классики. Его ответ после прочтения находки меня озадачил: «Любопытный опыт. Но писать за Пушкина дело неблагоприятное!» Мой друг, серьёзный кандидат в учёные, засмеялся и покачал головой: «Отодрать бы этого смельчака за уши! Вот уж действительно чудак!» Я серьёзно задумался: значит, эту рукопись «сочинил» кто-то другой? Уж не сам ли В-ов?.. Заглянул в книги, рассказывающие о пребывании Пушкина в Болдино. Наткнулся на статью В. Чернышёва, опубликованную в сборнике «Звенья», т. 6, в 1936 году. Сопоставил события, даты... Разногласий с рукописью, рассказывающей о большой платонической любви Пушкина к Февронии Виляновой, не нашёл. Прочитал рассказ «Барышня-крестьянка» и другие «Повести Белкина», «Историю села Горюхина» (даже заметил вариант — «село ГорОхино»), обратился к письмам Пушкина к Наталье Гончаровой... Уверился: найденная рукопись и сочинения поэта как будто написаны одной рукой, но, конечно же, чем-то неуловимо отличаются, но чем? Я не специалист, определить не могу... Неужели за Пушкина написал таинственный В-ов?..

Странное чувство — а ведь В-ов написал хорошо, если не Пушкин, то как Пушкин! Я поверил каждому слову! Несколько раз перечитывал и размышлял... Заметил: в рукописной находке нет ни слова о том, что в судьбе крепостной крестьянки принял участие поэт. Всё это будет позже. Воспоминания современников утверждают: сам остро нуждавшийся в денежной поддержке, Пушкин помог девушке освободиться от крепостной зависимости, обеспечил земельным наделом, подарил две тысячи рублей... Она обрела полную самостоятельность и купила в Арзамасе дом. Мы даже знаем улицу, на которой Феврония Ивановна жила — Ново-Плотинная! Я пытался установить номер дома, но, увы, не сумел, а когда через несколько дней опять обратился к Интернету, публикация В-ова уже отсутствовала. Странно и непонятно!.. Возникла догад-

ка: а сам В-ов — не потомок ли рода Виляновых?.. Этот смелый человек, горячо пожелавший напомнить миру о настоящей любви в образе Пушкина, надеюсь, рано или поздно объявится сами обо всем подробно расскажет. А пока искренне радуюсь тому, что успел снять копию с интереснейшей рукописи, которой и спешу поделиться.

НЕСКОЛЬКО РУКОПИСНЫХ СТРАНИЦ

Вот так Cholera Mobius! Обложила карантинами города и селения, на силу я пробился сквозь четырнадцать грозных кордонов. Даже на военном Кавказе, в коем побывал два года тому назад, таких строгостей не заметил. Вдоволь надышался пока не губительной пылью, поглазел, как разбегается перепуганный люд, потрясся да попрыгал по кочкам наших бесконечных дорог. А мне весело, и тоска не берёт. Даже озорство играет! Настоящий, не придуманный пир во время чумы. Хочется безо всяких причин валяться от смеха и проказничать... С таким непонятным весельем за четыре неполных дня прикатил я на скрипучих колёсах в своё родовое Болдино. Здесь о какой-то смертельной колере и думать не думают. Сюда, в райский уголок, ужель эта напасть посмеет сунуться?..

Как и полагается, встретили меня согласно чину. Управляющий Михаил Калашников, мужик дородный, с умными пронизательными глазами, сдёрнул картуз и через грузный живот поклонился. А второй, коего представили Петром Киреевым, болдинским писарем, меня не рассматривал, свершил поклон коротко и с достоинством. Чую, твёрдые мужики, своё дело надёжно знают. С ними и буду переходить в наследство, оформлять казённые бумаги. А покамест повели меня в барский дом, в коем намерен поселиться дней на тридцать. Дорожки чисто выметены, красиво посыпаны песком. Избы прячутся в сторонке, огороженный барский дом — на пустыре... Ворота гостеприимно распахнуты... Спрашиваю, поскольку Болдино поделено на двух владельцев, а где же дворы моего дяди, Василия Львовича? «Не изволь беспокоиться, барин, — ответил управляющий. — Всё непременно же покажем». Сбоку из-за кустов выплывает стадо гусей, птицы бьют крыльями, громко гогочут, приветствуют незнакомца. Это радость! Есть гуси, значит, будут перья. А будут перья, найдётся, чем осчастливить бумагу. В дороге темы набегали, как волны, одна за другой, не забыть бы, не растерять в суете острых мыслей, нечаянных фантазий... Вместе с моим писательством предполагается много писем, деловых и, конечно же, сердечных — к моей, как я страстно желаю, будущей супруге Н.Н...

Откуда ни возьмись — лохматый беспородный пёс. Он деловито отогнал гусей и заторопился ко мне. Управляющий грозно шикнул: «В зашей вышвырну!» Но я любезно попросил: «Оставьте. Он хочет лизнуть меня в щёку». Управляющий и писарь рассмеялись, а пёс замер передо мной, смотрит в упор. Я присел, глянул ему прямо в морду и подивился: да этот добрый лохматый зверь похож на меня! Шерсть на скулах — как у меня завитки на щеках, и глаза голубые. Одна лишь разница: пёс на четырёх ногах, а я на четвереньках... «Приходи, — сказал я собаке. — Чем-нибудь да угощу».

За невысоким ровным частоколом открылся мой временный приют. Аккуратный домик с деревянным покрытием смотрится редкостью супротив сплошных соломенных крыш. С удовольствием ступил на высокое резное крыльцо. Отсель привлекательно выглядят дворовые постройки и конюшня, рядом с которой конюх впрягает лошадь в телегу. А далее что-то непонятное... Приземистая избушка вся в сизом дыму... Управляющий пояснил: «Для барина топится баня. А что дым валит, так у нас ведь по-чёрному, без трубы». — «Прекрасно, — порадовался я. — Посмотрим, где топят лучше — в Тифлисе или в Болдино!»

В приюте моём приготовлены для жилья две комнаты, поселяйся да радуйся. Небольшой письменный столик, на нём — литая чернильница

и связка гусиных перьев. Ничего другого не требуется. Первейшей заботой будет послание Наталье Николаевне. Затаив дыхание, сообщу моей любимой на ушко: запомните, незабвенная моя, нынче третий день сентября. Нижайше прошу, подождите всего неделю, ну чуть поболее... Я непременно примчусь на весёлой тройке с бубенцами! Самое наиглавнейшее, окончательно и бесповоротно определитесь, кем мне пред Вами быть — супругом или...

.....
Баня, безо всяких преувеличений, удалась на славу. В Тифлисе меня разминали могучими руками, а здесь дворовый богатырь распаривал жаром да так хлестал берёзовым веником, что казалось, не приду в себя. Зато потом взлетел в беспредельную вышину и ощутил небывалую ясность... В комнатах печки натоплены, разливается домашний уют... Рука сама потянулась к перу. Но опять подкралась тайная тревога — вдруг Наталья Николаевна откажет?.. Ведь за её спиной Наталья Ивановна, всё решает неумолимая мама... Ужели вновь окажусь во тьме со своими пустыми желаниями?.. А я ведь страстно хочу другой жизни, ужель не понятно?.. Конечно же, понятно, но, увы, лишь мне одному, другие со стороны только посматривают и посмеиваются в усы: что там Пушкин? Не утрёт ли ему нос красавица Гончарова?.. Так что со всех сторон получается: баня — это чудесно, но если бы сие приятное действие могло оградить меня от мрачных мыслей...

С таким пасмурным настроением отправился я осматривать болдинские окрестности, надеясь в живых картинах природы найти успокоение. Иду и оглядываюсь. Осень вступает в свои права осторожно, незатейливо, желтизна неуверенно окропляет кусты и одинокие осины. Воробьи перелетываются стайками с ветки на ветку, как будущие струйки дождя. Но покуда тихо, трава молодо дразнит зеленью, нескоро ещё набегут сплошные серые тучи и захлещет всерьёз... С просёлочной дороги свернул на лесную тропу, и в сей же миг глаза наткнулись на красную шляпку крупного гриба. Сорвать?.. Но лукошко с собой не было, не в руках же нести... Ух, ты! В сторонке притаилась ещё одна шляпка... А рядом с ней ещё одна... Вдруг за редкой порослью березняка примечаю фигуру девушки. Она метнулась от меня за белые стволы, и я поспешил окликнуть: «Куда же ты! Неси лукошко, вот грибы!» Из-за берёзы недоверчиво выглянула, а затем гордо вышла девушка-крестьянка. В одежде ничего особенного, концы цветастого головного платка ниспадают на высокую грудь, полотняная рубашка при движении красиво колышет. Лицо милое, щёки охвачены румянцем. А глаза — два широко открытых оконца, уводящих в синюю высь...

Пушкин, скажи, ты ли это? Куда подевалась твоя назойливая тревога? Помнишь ли о своей будущей невесте? Не писал ли ей уверительных слов о верности и любви?.. Так подумалось мне лишь на мгновение. Я же покамест не знаю, будет ли вотще дано мне согласие... Задаю вопрос самому себе: могу ли без всякого умысла поговорить с приятной девушкой, полюбоваться её очарованием, неписаной земной красотой? Что в сём желании дурного — открыться другой прелестной душе, как открывался всегда, не думая о последствиях! Да нужно ли думать о последствиях, в коих нет греха, а есть чистое любовное приращение природой? Сама жизнь окрыляет честного человека и естественным образом несёт его навстречу настоящим поступкам и чувствам... Таков я, что со мной поделаешь!..

С такими раздумьями выдернул я большой гриб с красной шляпкой, потянулся за другим, но девушка остановила меня певучим повелительным голосом: «Постой, барин! Я сама». Она изящно наклонилась, деревянным ножичком подрезала корешок, полюбовалась шляпкой и аккуратно устроила её в туске. Сорванный мною гриб тоже подрезала и положила к остальным. «Спасибо, барин, — поклонилась она. — Ужо пойдут в еду». Она улыбнулась, обнаружив на румяных щеках симпатичные ямочки. Грудь её так приятно вздымалась, что я подумал: «За что мне такое испытание!..»

Подойдя ближе к девушке, я спросил, чья она будет. «Я-то? Сергея Львовича крепостная». — «Сергей Львович — мой отец», — с гордостью сообщил я. «Знаем. Потому и почёт». — «Расскажи о себе!» — «Что ж рассказывать? Мы Виляновы. Батюшка мой держит пасеку, мёд собирает да варит». — «Нельзя ли вашего мёда попробовать? Я заплачу». — «У барина денег не возьмём. А угостить можем. Пойдём, батюшка рад будет». — «Спасибо, красавица!» — Я не мог двинуться с места, околдованный мелодичностью её голоса и всей девичьей статью. Она обернулась: «Идём же!» — «Звать-то тебя как?» — «Февро-о-ния», — нараспев произнесла она. «Февро-о-ния», — подражая ей, повторил я. «Не, дразнись, барин, нехорошо». — «Я песню пою, — засмеялся я. — Февро-о-ния!» — «Разве ж песня, — протяжно ответила она. — Песни у нас поют такие, заслушаешься...»

Покамест шли, я выспросил: Февронии двадцать пять годков, кроме неё и родителей, в большой семье три сестры и четыре брата. А всё семейство в полном сборе увидел, когда пришли, в просторной горнице. Все, кто сидел на лавках, встали и поклонились. Сестрицы Февронии заметно моложе её, круглолицые, смешливые; из четырёх братьев — один богатырского вида, зело уверенный в себе молодец, остальные мал-мала с открытыми лицами, живые, непоседливые. Все чинно уселись за большой стол, Феврония внесла большой кувшин медового питья. Во главе стола — старики Вильяновы, ещё крепкие, бодрые; отец с бородой, ясноглазый, мать курносая и синекокая... Глава семейства мне первому налил кружку и с поклоном сказал: «Откушайте, барин! Наше самодельное». Откушал, похвалил и недолго посидел за молчаливым столом... Приглянулся мне один из братьев, малый лет пятнадцати. Уж такой внимательный, лицом более остальных похож на старшую красавицу сестру, зовут Фёдором. Я пригласил его быть помощником в моих делах. Фёдор от удовольствия подпрыгнул, а потом гляннул на отца, притих: «Ежели, конечно, батюшка позволит...» Батюшка позволил, и я, поблагодарив хозяина и с трудом оторвав взор от Февронии, вернулся к себе...

.....
Мой неожиданный молодой помощник, Фёдор Вилянов, стал частенько у меня бывать, и мы стали совершенными приятелями. С ним неотлучно являлась лёгкая обворожительная тень его старшей сестры... С Февронией я больше не виделся, хотя желал бы созерцать её естественную красоту каждую минуту. Поэтому ямочки на щеках и голубые очи Фёдора, срисованные с Февронии, были особенно приятны. Он оказался ещё и любителем песен, с удовольствием их распевал; начинал тихо и, всё более усиливая голос, как заправский певец, закидывал голову, закрывал глаза: «За нашим-то полем, за большим и зелёным, за нашим-то лесом, за густым и дремучим, привольно течёт, разливается чистой водицей река...» Фёдору нравилось, когда его хвалили, он ответно кланялся и важно говорил: «Благодарствую, сударь». Я любовался народным дарованием и рукоплескал.

Собрался я на Болдинскую ярманку и взял Фёдора с собой. Ярманка была шумной, многолюдной, с бесчисленными возами, торговыми палатками и шатрами. Колера, может, и бродила где-то в дальних даях, косила безвинных людей, но здесь о сём бедствии напрочь забыли. Крики, смех, торговая перепалка покупателей и продавцов, пьяная речь и песня... Мычат коровы, визжат поросята, гогочет белая птица, кудахчут куры и даже — вот диво! — голосят петухи... Фёдора привлекла гончарная утварь — чашки, плошки, кувшины — с глазурью и без глазури... Я купил плошку с причудливым рисунком и подарил Фёдору: «За твои песни». И, конечно же, полакомились бубликами и сладкими кренделями...

.....
Ярманка, улучшила моё настроение, но лишь слегка. А я должен был радоваться по-настоящему. Калашников проявляет в мою сторону полную заботу, ни в чём не отказывает, а Петр Киреев, дел моих рачитель, быстро и толково сочиняет казённые бумаги, советуется, приносит на

утверждение. Однако ж для полной радости не хватает самого малого, самого ожидаемого — письма из Яропольца от Натальи Николаевны, в коем было бы одно лишь слово — согласна...

Безоблачного спокойствия нет: как мне дальше-то жить?.. Прогулялся до пруда, заглянул в его мутную воду, стараясь заметить надежду на просветление... На другом берегу торчит чёрный кривой пенёк, светлых мыслей он не внушает... Плывут поверх мути опавшие листья, подымается ветер и гонит их к берегу — и вот уже некуда листьям плыть... Похолодало, я поспешил в свой одинокий дом, взял в руки спасительное перо... Ещё не ноябрь, но пишу по своему настрою: «Закружились бесы разны, будто листья в ноябре...» И увиделось, и почувствовалось: «Мчатся тучи, вьются тучи... Мутно небо, ночь мутна...»

Наказал я дворовым слугам подготовить коня для верховой езды. Был полдень, синь небесная разливалась вовсю, воробьи дружно чирикали, поддерживая моё желание прогуляться в окрестностях Болдина. По-молодецки, даже сам себе удивился, влетел в седло и неторопливым шагом выехал на пустырь; глянул в сторону леса, где обитает красавица Феврония. С удивлением заметил на опушке знакомый её силуэт и поторопил коня перейти на галоп... Тьфу!.. Неужели черти напроказили?.. Девушки нигде нет — невысокий куст играет на ветру красно-жёлтой листвой... Я покружился подле молодой поросли березняка и решил вернуться. Беспokoить Виляновых сейчас — слишком назойливо, отложил сей приятный визит на потом...

Повернул я коня в обратную сторону и крепко задумался... Сколько уже было обманутых надежд, надо быть готовым ко всему... Мне, готовому ко всему, совсем не грех помечтать, вообразить самое несбыточное!.. Даже боюсь вымолвить... но ведь я мог бы жениться на Февронии! Я не крестьянин, но косить умею, в Михайловском махал косой, мне нравилось. И дров для печки, ежели понадобится, могу наколоть, и по хозяйству подсобить... Конечно, вести хозяйство — дело совсем не моё. Моё дело обеспечить семью, это я делаю с помощью пера и бумаги, за писательский труд получаю вознаграждение... Стал бы я жить в деревне, вдали от зависти и склок, с утра до вечера писал бы стихи и прозу... Вот и думаю, вот и мечтаю!..

Хочу громко самому себе заявить: я не из тех, кто любит впадать в уныние, охать по целым суткам. Избавиться от мрачных мыслей не только можно, но и в обязательном порядке следует! Для осуществления сего действия совсем немного и потребуется. Попросил Калашникова принести мне крестьянской одежды. В мгновение ока дворовые доставили холщовую рубашку, две шапки — горшком и пирожком, армяк, кафтан, тулуп и лапти с обмотками. Можно наряжаться и начинать театр. Но кому в крестьянском одеянии показаться? Самому себе? Выйти в село на мировую потеху? Сельчанам, наверняка, сия комедия не понравится: барин перед крепостным людом принижать себя никак не должен. Вот Фёдор Вилянов уж точно вдоволь похочет... А его сестра? О ней мысли особые... Не пойти ли в лес, на памятное место встречи, не показаться ли в переодетом виде? Но показаться так, чтобы Феврония не узнала!.. А потом с общей радостью открыться...

Перед старинным зеркалом наряжаюсь. Надел армяк, натянул на уши шапку горшком и растерялся: на меня дерзко глянул какой-то заросший мужик, один только нос торчит... Не испугается ли Феврония?.. Заматываю ноги длинными полотняными лоскутами, надеваю лапти. Опять гляжусь в зеркало — чем я не крестьянин?.. Из дома вышел осторожно, избегая встречных глаз. Направился к лесу... Никто не попался на пути, не отскочил в сторону от лохматого странника, сие уже хорошая примета... Побродил по тропинкам, покружил вокруг знакомых берёз, но Феврония так и не появилась. Я подумал: напрасно не привлёк к своему

театру Фёдора, он бы незаметно вывел сестру погулять... Но, думай — не думай, стало смеркаться, и я решил: направлюсь-ка к дому Виляновых, уж там наверняка кто-либо окажется во дворе и кликнет Февронию. За кустами возле плетня сخورился и стал ожидать. И тут с громким лаем и свирепой выразительностью набросился на меня знакомый пёс! Я смахнул шапку и опустился на четвереньки. Пёс рычать перестал, уставился на меня. «Узнал? Дай тебя погладить!» Дружески потрепав пса за ухом и досадуя на такое вот невезение, я поднялся, и мы отправились в обратный путь. «Угадай, чем угощу?.. — со вздохом спросил я. — С театром не повезло, а мы чудесно повидались». У ворот меня встретил удивлённый Калашников, с хитрым прищуром он сообщил: «Феврония приходила, тебе, барин, медового питья принесла... Я без спросу на стол поставил... А тебя, барин, в нашем-то крестьянском одеянии никак не узнать...»

День прошёл беспутно, в мутном кружении мыслей, зато ропот моей души позволил поздно ночью родиться стихотворению... Скверная привычка — писать ночами, однако же рифмы меня спасают!

.....
В мою ночную жизнь, усиливая и без того тягостное смятение, зачастила бессонница. Тщетно пробовал задобрить сие тяжкое несчастье стихами, а она требует откровенную прозу, исповедь... Что ж, ежели верить молве, ты и Дон Хуан, и бретёр, и картёжник! Повесничаешь и устраиваешь дуэли!.. Отвечай за свои поступки перед совестью, перед человеческой красотой, не замутнённой завистью и злобой... Но всё же почему мне захотелось об этом думать и говорить?.. Не возвышается ли над моими мыслями простая крестьянка с чистой земной душой, требующей взаимного доверия?..

.....
Так кто же ты такой? Сладострастный Дон Хуан? Смелый да умелый охотник за женским естеством?.. Пасквилянт и охальник?.. Проницательный свет так и полагает, перечисляя на пальцах количество моих увлечений. Но приглядишься получше — ужель я Дон Хуан?.. Я же свободный человек, не связанный брачными узами, ни одно милое живое существо не обманул, не обидел. Сам, как бабочка, лечу на огонь и в нём же сгораю... И моя ли вина в том, что красоты вокруг необыкновенно много, и я, искренно ей поклоняясь, не удерживаю себя подле одного увлечения! Но я всей душой стремлюсь удержаться, сил и благоразумия во мне хватит. Я безо всяких сомнений удержусь, и в этом поможет мне избранница моя Наталья Николаевна... Только бы не обмануться надеждой...

Опять с пристрастием спрашиваю самого себя: кто я есть такой? Меня же не случайно нарекли бретёром, дуэлянтом, каких ещё поискать!.. Да, я бретёр. Но есть же бретёры поневоле. Не могу устоять, ежели тебе оказывают грубое неуважение, ежели твоё человеческое достоинство унижает откровенный невежа в дворянском сверкающем камзоле. Как тут не стать бретёром! Как не проучить, даже ценой собственной жизни, зарвавшегося господина! Один выход — дуэль. Пушкин никому и никогда не прощает незаслуженных оскорблений...

В который раз спрашиваю себя: кто я есть такой? Азартный игрок, способный в пылу страсти спустить все свои сбережения? Да, зело азартный, часто бывает — проигрываю. Но случаются и выигрыши. Ради удачи и садишься за стол, и частенько с людьми тебе враждебными... Дас непринуждённым видом садишься, нужда заставляет. Непростая наша жизнь требует больших средств, а где их достать? Перо моё, конечно же, доход приносит, но всех потребностей никак не покрыть. Выручает игра! Большой риск, но честный заработок... Вот обзаведусь своим семейством, буду жить одним только писанием. Проигрывать уже нельзя!..

.....
Эка напасть! Обильно пишутся стихи, но никак не доберусь до «Онегина», не заканчивать же роман с мутным настроением. Остановить блуждающий взгляд на самом главном мешают тревожное ожидание письма,

беспокойные мысли о колерных кордонах, не пускающих в Болдино посылание от Н.Н. А ведь колера закрутилась нешуточная, вести приходят пугающие, народ толкует о мертвецах, которые скоро придут сюда и станут устанавливать гробовые порядки. Кладбище станет главным местом всех последующих событий... Вечер наслушался разговоров дворовых и почти одним росчерком пера изобразил гробовщика и его гостей, коих он своими заботами отправлял в последний путь... О мистических приключениях и тянет меня писать, пока в душе не развиднелось...

Прибежал Фёдор Вилянов, зазвал в гости. Феврония, да и бабушка велели узнать, почему барин совсем их забросил. Сие уже радостно, согревает душу. Конечно же, приду, за мной не задержится. После обеда и соберусь... Но после обеда свершилось долгожданное событие, и я не сразу решился гостевать: прибыло письмо от Н.Н. Я едва не задохнулся от счастья — Наталья Николаевна согласна стать моею женой!!! Сие невероятно важное сообщение пробывалось семь дней и ночей, сравнить которые можно лишь с семью тяжелейшими годами разлуки. Теперь же, когда непосильное ярмо сброшено, дела пойдут легче и веселей. На радостях послонялся по Болдино, повидался с Киреевым, побывал в конторе у Калашникова... Самую малость успокоившись, отправился к Виляновым...

Дом пасечника встретил меня с радостью. Я отведал большую кружку медовухи, полюбовался Февронией. Пока ещё не решил, говорить девушке про письмо от невесты или делать этого не следует. Впрочем, я совсем не обязан делиться своими тайнами, придёт время — может быть, и откроюсь... Сестрицы Февронии удивили своей осведомлённостью, окружили меня, забросали вопросами: был ли в Арзамасе, не заезжал ли в Сергач, хороша ли ярманка в Адашеве? Правда ли, что я сочинитель, пишу сказки и романы? Люблю ли Болдино и есть ли у сочинителя Пушкина роман о деревне? Самая смелая попросила сказать о деревне стихами... Я стал читать: «Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» Девушки были в восторге и не хотели меня отпускать. Но вмешалась старшая сестра, со всей строгостью пожурила и проводила барина до калитки. На прощание сказала: «Как горестно, что ты не крестьянин и свычаев наших не знаешь». — «Поселюсь в деревне, узнаю!» — вырвалось у меня. Я чувствовал: девушка ко мне равнодушна... Как всё-таки она хороша! Есть же и в Болдино чудеса!..

.....
Писательство моё, наконец, стронулось с места. На Болдинской ярманке мне попался сюжет о человеческой жадности, сочинил сказку. О человеческой чёрствости сделал попытку рассказать в «Станционном смотрителе»... Во всех подробностях разглядел в мыслях последние главы «Онегина», сел было писать, да приехал из Сергача заседатель Григорьев. Мы с ним, за девять верст, отправились на лошадях в Кистенёво; прошли по длинной скучной улице с соломенными крышами, распугали мальчишек, игравших в чахарду, разыскали старосту. Заседатель ввёл меня в наследство, я стал законным владельцем села и двухсот душ... Теперь Петр Киреев будет готовить бумаги на заклад.

.....
Приступил к «Онегину», рассказал о его путешествиях. Раздумываю — не слишком ли подробно?.. Осталась последняя глава...

Явился Киреев, состоялся на обязательной поездке в Сергач, где я должен лично подписать закладные бумаги. Отправились на конной тяге, впереди шестьдесят вёрст... Очень уж позабавила речка Пьяна: только переехали её по бревенчатым мосткам, она опять пересекает путь! Так несколько раз, даже встретила нас в Сергаче. Киреев рассказал: сам-то городок невелик, но в России про Сергач знают. В 1377 году там, где речка Пара впадает в Пьяну, было знаменитое Пьянское побоище. И ещё славен сей городок дрессированными медведями. Во время Войны 12-го года там был смотр «медвежьих» полков для борьбы с Наполеоном... Трёх дрессированных медведей на поводке нам привелось увидеть вживую,

когда въехали на базарную площадь. Но долго на потешном представлении не задержались, поспешили в судебную палату, дабы не упустить чиновников. Наконец, подпись моя украсила деловую бумагу, и теперь представилась возможность заняться собой. Мы с Киреевым, по моей просьбе, отправились на базарную площадь по лавкам купить ткань на платье. Нас встречали с высочайшей учтивостью, выкладывали на прилавки штуки разных цветов. Высматривали долго, покамест не приглянулась голубая ткань с шёлковым отливом; я подивился, как ловко приказчик отхватил от куска несколько метров...

Дорога в обе стороны нас хорошо помотала, но мы были довольны: закладное дело двинулось. В Сергач предстоит приехать ещё раз, подготовленное заверить подписью... А на следующий день, 20 сентября, я сочинил рассказ «Барышня-крестьянка». Кто натолкнул меня на эту задумку? Конечно же, Феврония. Теперь, безо всяких споров, я обязан этот рассказ прочитать — ей и всем Виляновым! Но без подарка нельзя... Иду к Калашникову, несу привезённую ткань с наказом: «Нужен наряд для бала. Молоденькой девице!» Управляющий удивление спрятав, любопытствует: «А росту какого?» — «Чуть выше меня». — «Лёгко ли дело, барин, и за семь дён не управиться... Поеду-ка в Арзамас искать мастерицу...» — «Зачем же в Арзамас, езжай в Москву через кордоны, — ответил я шуткой. — Если успеется за два дня!»

Этот Калашников настоящий чародей! Спустия ровно два дня, уже и сумерки надвинулись, он гордо, не сгибаясь в поклоне, принёс мне ожидаемый наряд. Я благодарю управляющего и торжествую: открылся путь к Виляновым! Завтра же и отправлюсь.

Утром в дверь постучал (а как же! под моим воспитательным надзором) Фёдор. Я велел ему вернуться домой и сказать: «Александр Сергеевич будет в гости». Фёдор с молодецкой прытостью исчез, и я стал собираться. В сей раз решил одеться с особой тщательностью, достал из чемодана запас: чистую сорочку, жилет, фрак с высоким воротником, сюртук и светлые панталоны... Не загрязнятся ли туфли на сырой дороге?.. Ежели и загрязнятся, недолго почистить... Надел на большой палец перстень с изумрудом, в кармашек сюртука опустил на цепочке часы... Поскольку моросило, без плаща и цилиндра никак не обойтись. Более всего беспокоила сохранность рукописи, свёрнутой в трубочку, и подарок в картонной коробке, коим никак нельзя намочнуть. Завернул в бумажку и припасённый кренделёк...

Дождик был слабый, тучи сеяли водяную пыль, но дорога оказалась не столь грязной, как ожидалось. За мутноватым дождевым занавесом пожелтевший лес смотрелся с весёлой печалью, за которой не было ни тоски, ни боли... Возле калитки на меня с лаем набросился знакомый пёс — опять не узнал; я бережно снял с головы цилиндр и развернул кренделёк. Пёс на радостях кинулся на меня мокрыми лапами, и я с трудом увернулся... А за калиткой стоял Фёдор и теснились все Виляновы. Торжественно прошествовал в горницу, освободился от плаща и цилиндра. Неожиданно обнаружил себя на театральной сцене под голубым светом удивлённых, широко распахнутых глаз — увидеть меня в праздничном наряде здесь и не чаяли... На столе, кроме кувшина с медовым питьём и кружек, на блюде возлежал румяный аппетитный пирог. Я попросил семейство сесть поудобнее и объяснил: буду читать рассказ про барышню-крестьянку, сей рассказ я сочинил под впечатлением от встречи... с Февронией! Я подумал: не напрасно ли — с таким откровением?.. Но протеста не заметил, все ждали продолжения... Сама красавица взглядывала на меня весьма располагающе, с ямочками на щеках. Остальные, я наблюдал, старались не упустить ни одного слова... Закончил читать. Тишина... Первым высказался Фёдор: «Вот так барин, Александр Сергеевич! Можно, я скажу песней?» Не ожидая разрешения, запел: «Ой,

да девица пригожая на селе живёт! Ой, да щёки румяные, уста алые, длинная коса! Ой, да ждёт — не дожждётся своего единственного, своего любимого...» Отец Вилянов поднялся, борода в стороны разошлась, строго сказал Фёдору: «Рано тебе, паря, такие-то песни петь!.. А ты, барин, повтори-ка... Что твой Алексей Берестов о женитьбе на крестьянке думает?» Я отыскал в рукописи сие место и выразительно прочитал:

«Романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сём решительном поступке, тем более находил в нём благоразумия».

«Конечно, благоразумие: он барин, она барышня! — подала свой певучий голос Феврония. — Переоделась в крестьянку, но крестьянкой-то не стала». Отец возразил: «Крестьянка не хуже барышни. Надень барское платье, и ничем не отличишь». — «И то правда, — согласился я и направился в сени за оставленной коробкой. Бережно принёс её удивлённой девушке. — Феврония, пожалуйста, надень и покажись!» С хмурым смущением, под одобрительным взглядом отца, девушка вышла. За столом все замерли, ждут, когда же она покажется. Отец Вилянов этим временем пристально глядит на меня, его супруга наполняет кружки. Феврония, наконец, появилась. Все ахнули, а я от неожиданного чуда зажмурился: таких красивых свет не видывал! Отец постучал по столу и поднял руку. «Вот погляди-ка, барин, готовая для тебя невеста». Феврония возмутилась: «А почему у меня никто не спросил!.. Хочу ли я замуж за барина?» — «Как скажу, так и будет», — твёрдо заявил отец. Фёдор в поддержку подал голос: «Феврония тоже барышня. Только крестьянка-барышня!»

Пришлось вступить в разговор мне: «Прошу вас, милое для меня семейство, послушайте!.. С великой радостью я бы посватался к Февронии... Но должен сообщить серьёзное обстоятельство, которое запрещает столь приятное сватовство... У меня есть невеста. Она прислала письмо, она согласна стать моей супругой...» — «Так бы и сразу! А то в платье наряжат, — вострепнулся отец Вилянов. — Тогда уж давайте выпьем медку во здравие барина и его невесты!» Пили, сквозь зубы цедили, наконец, проглотили. Феврония со значением спросила: «А что барин про свою невесту сочинил?» Я продекламировал: «Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, Чистейшей прелести чистейший образец!» Одна из сестриц попросила: «А ещё!.. Можно ещё?» Читаю давнишнее, посвящённое Анне Керн: «Я помню чудное мгновенье...» Ведь передо мной явился ещё один «гений чистой красоты!» — «Изрядно сочинил!» — услышал я, наконец-то, голос большего сына Виляновых. А Феврония, мне казалось, была вся не своя. Я, слегка наклонив голову, обратился к девушке: «Платье — это мой подарок. За подсказанный мне рассказ». — «Спасибо, барин», — Феврония поклонилась в пояс. Отец сплеснул руками: «Спасибо? Руку барину поцалуй!» Я резко возразил: «Мы же почитай добрые приятели! Обойдёмся без ручки». Пили медовуху, галдели, я отвечал на вопросы ине сводил глаз с крестьянки-барышни... Виляновы потчевали меня на славу. Но вот пришло то самое время, как я должен уйти. Фёдор вызвался проводить меня до калитки и с мольбой попросил: «Барин, женись на моей сестрице, в горести никогда не будешь!» Я ответил: «Поверь мне, Фёдор, не могу. Есть в нашей жизни одно обязательное слово — верность...»

На крыльце стояла Феврония и, печально глядя на меня синими глазами, прощально махала рукой...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вот и вся небольшая рукопись, рассказывающая о двадцати днях жизни великого поэта. Пушкинисты, я думаю, не поверят, в один голос возразят: «Это не Пушкин! Кто-то сочинил за него!» А я буду настаивать на своём. Игруют же актёры Пушкина, убедительно перевоплощаясь в него. Почему же неизвестный В-ов из Арзамаса, или другой способный сочинитель, не может перевоплотиться в поэта при помощи слов? Главное — сочинителю поверить. А я поверил: Александр Сергеевич именно таким и был — беспредельно любящим, добрым, честным...